

ГРИГОРИЙ ГУРВИЧ

“Летучий” Феникс

“Летучая мышь”, хоть и не птица Феникс, а из пепла 70-летнего забвения возродилась. И в сегодняшней Москве существует театр с таким же названием и, что любопытно, на том же самом месте — Большой Гнезниковский переулок, 10.

Недавно он отпраздновал “круглую” дату — 7 лет, чему его бессменный художественный руководитель Григорий Гурвич весьма рад.

А вот сама идея создания “Летучей мыши” — 2, как оказалось, принадлежала вовсе не ему...

Григорий Ефимович, как известно, старая “Мышь” выросла из мхатовских “капустников”? А новая откуда?

— Да тоже из “капустников”, только студенческих. Я как поступил в ГИТИС в 1980 году, так сразу же стал этим заниматься, поскольку с пятнадцати лет тусовался среди бакинских “кавээнщиков”. Они мне много рассказывали о том, что московская веселая культурная жизнь 60-х — это в огромной степени “капустники” Дома актера. Меня Юлий Гусман даже всегда упрекал: “Ты, дурак, поздно родился”.

— Неужели потом потребность в веселой жизни отпала?

— Просто я попал в какую-то волну безвременья. Поколение первых КВНов повзрослело и профессионализировалось, и Гриша Горин как-то сказал: “Хочется уже за деньги хохмить”.

А в 1983 году в Доме актера возобновлялась традиция встречи старого Нового года, и я по этому поводу написал и срежиссировал “капустник”. В фойе поставили три огромных стола, а за ними сидели абсолютно все, кого я еще в Баку страстно мечтал увидеть “живьем”, — М.Захаров, Г.Горин, А.Миронов, О.Табаков, Б.Окуджава. И знаете, имело все это большой успех. У меня фо-

нограмма сохранилась: там рев, визг, писк, хохот, Табаков свистит в два пальца, О.Яковлева что-то вскрикивает. Понимаете, все соскучились по этому.

В перерыве меня подзывают к себе “небожители” Горин и Захаров и хором спрашивают: кто писал, кто ставил? Я, обрадованный, скромно отвечаю, на что мне Захаров после каких-то комплиментарных слов и говорит: “Рекомендую вам открыть в Москве театр-кабаре “Летучая мышь”.

— Так вот кто “крестный отец” идеи?

— Мне бы это и в голову не пришло никогда. Более того, меня это предложение страшно оскорбило.

— ?!

— Я ведь учился у М.О.Кнебель на “серьезного” режиссера. Только что закончился шекспировский семестр, где мой отрывок был признан лучшим, А.Гончаров пригласил на практику в Театр имени Маяковского. Слово же “кабаре” в моих молодых совковых мозгах ассоциировалось разве что с публичным домом. В общем, я решил, что надо мной издеваются.

— Сколько же вам лет тогда было?

— 25. К счастью, у Захарова хватило терпения в течение шести лет, при каждой нашей встрече, вдалбливать мне в голову эту идею. Он постоянно твердил: обычных режиссеров много, а здесь вы будете один. И между прочим, так оно и вышло.

— Вас-то, наверное, в этом сама жизнь убедила?

— За эти шесть лет сменилось три генсека, я успел закончить институт, и у меня закрыли пять спектаклей. Последний я уже сам не мог делать, руки дрожали. Это тяжело вообще, и состояние мое, прямо сказать было отчаянное. Оставался один-единственный выход: и в самом деле открыть свой театр, чтобы там никто и ничего не мог “за-

крыть”.

— Легко сказать “открыть”...

— Рассказываю историю в духе О’Генри. Я тогда работал в ермоловском театре и предложил эту идею В.Фокину. Он страшно загорелся, полгода мы с архитекторами корпели над проектами и макетами. В результате все “отложилось” на неопределенный срок.

Я был убит, поскольку сгорел последний шанс. Побрел пешком домой, оттягивая печальную встречу с женой. Проходя мимо здания СТД, вспомнил, что мне нужно сказать одному человеку о каком-то выполненном мною поручении. Зашел, сказал, собрался уходить. А он мне вдогонку: “Кстати, а как ваши дела в ермоловском театре?” “Дерьмовые, — говорю, — дела”. “Ну так, может, мы вам поможем?” Это был Алексей Бельский, один из первых наших молодых бизнесменов, к сожалению, уже покойный. И я ему буду благодарен всю свою оставшуюся жизнь. Потому что он не просто сказал, но сделал. Одновременно нас поддержал только что избранный ректором ГИТИСа Сергей Исаев, пустив в помещении Учебного театра в Б.Гнезниковском, где когда-то и гремели спектакли “Мыши”.

— С чего же вы начали?

— Взял последнюю фотографию старой “Летучей мыши” и решил ее оживить. А называлось все это “Чтение новой пьесы”. Такая мистификация, как у Дюма: этого не было, но могло быть. Пьеса странная получилась, с пророческим характером. Я собрал занятные истории, трагикомические анекдоты из жизни страны с 30-х годов до наших дней. В финале же все возвращались в 1920 год и, дочитав пьесу до конца, решали уехать за кордон.

И вот на это как-то сразу стали ходить люди. Месяца через два появилась первая рецензия в “Нью-Йорк таймс”,

потом в Японии, Норвегии, Швеции и т.д. Телевидение понабежало. Нас тут же вдруг пригласили в Германию, Польшу. В общем, эта безумная идея стала приобретать реальный вид.

— Вы считаете себя наследниками той “Мыши”?

— Возродить никогда ничего нельзя, кроме некой театральной идеи. Мы же не музей. Перечитываешь сегодня балиевский репертуар — чушь собачья. Юмор ведь стареет, он технологичен, а любая технология имеет свой срок. Но то был театр, который привлекал людей радостью бытия. Какая-то энергетика в этом жанре заложена, что люди от этого живут лучше. И я стараюсь так выстроить спектакль, чтобы в финале человеку захотелось обрадоваться, вскопичить, закричать.

— Вскикают?

— Да. И кричат. И покупают билеты, которые все дорожают. К нам люди идут со своими стульями, потому что мест не хватает. А однажды моя жена, которая обычно встречает гостей, прибежала за кулисы, в слезах и с синяками. Что случилось? Оказывается, дверь снесли. Я жене и говорю: “Что же ты плачешь? Мы об этом всю жизнь мечтали”.

— Жанр “кабаре” у вас больше не ассоциируется, извините, с публичным домом?

— Да что вы! Я-то теперь знаю, что он развивался самыми лучшими силами: Мейерхольд, Евреинов, Балиев, имена-то какие! Кабаре рождает гениев. Всегда идет развитие от подвала к большой сцене. У нас в театре в связи с этим сразу был задан высокий тон. А кроме того, мы ведь не совсем кабаре. “Летучая мышь” — это синтетический театр с большими возможностями. Я здесь и Шекспира могу поставить. Только за этим должен стоять особый взгляд на вещи.

— А просто подучиться иногда не хотите? Говорят, в той “Мыши” Станиславский с Москвиным канканировали, а Книппер-Чехова шансонетки пела? Вот бы нынешних “академиков” спровоцировать на канкан.

— Ой, нет. Это меня мало интересует. И знаете, почему?

АХ, КАБАРЕ, КАБАРЕ...

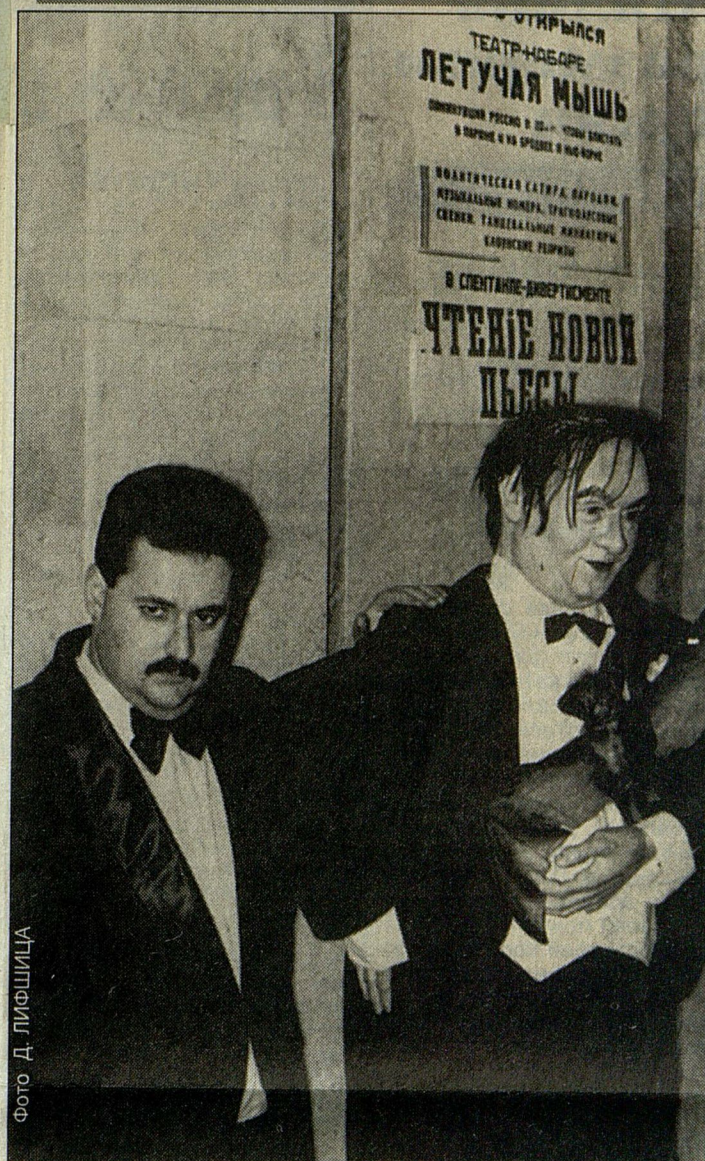

Фото Д. ЛИПШИЦА

Они плохо танцуют канкан. Скорее всего. Ну скажут мне: ах, как это мило! А зачем?

— Я так понимаю, что смех у вас далеко не на первом месте?

— Абсолютно. Хотя зрители смеются много. Но это как бы результат, а не цель. У нас вообще в стране с чувством юмора плохо. Мы слишком серьезно сами к себе относимся. “Я в своем искусстве”, “я в своем творчестве” — скотский серьез какой-то. А чувство юмора, между прочим, дает энергию жизнелюбия.

— Сами-то вы человек веселый?

— Раньше был очень веселым. Сейчас понемножку пригаваю. Надо силы поберечь, темперамент. А потом профессия главного режиссера — не слишком большое удовольствие. Я же им стал в 32 года.

— Не превратится ли ваш театр потихонечку в театр трагедии?

— Этого нельзя допускать. Другое дело, куда наша жизнь повернется. Хотя, если она станет трагедией, мы просто исчезнем. Придут очередные “серые” люди с ущербными идеями всеобщего равенства или превосходства какой-нибудь нации, и все. Большие театры еще как-то выживут, а нас тут же запретят.

— Не боитесь этого?

— А как же? Конечно, боюсь. Но будем надеяться. Будем силой воли удерживаться на плаву.

— Чего бы вы сами пожелали своему театру?

— Нового здания. И процветания. Хотя бы такого, как сейчас.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА